

Ши Цянь, разумеется, заметил суету Цзэн Ин и невольно усмехнулся про себя: всё-таки она ещё совсем дитя. Конечно, для четырнадцатилетней девчушки её актёрская игра была неплоха, но собравшиеся здесь — выдавшие виды мастера, и столь явная демонстрация эмоций выглядела просто нелепо.

— Мерзавка! В нашей секте Тяньлин полно ястребов, и я ни разу не слышал, чтобы они нападали на людей без причины! С чего бы вдруг этой птице наброситься именно на тебя? — Чэнь Ци внезапно повысил голос, даже не пытаясь скрыть гнев. Он с такой силой ударил по подлокотнику кресла, что дерево разлетелось в щепки.

В зале воцарилась мертвая тишина. Цзэн Ин задрожала, вжав голову в плечи, и не посмела вымолвить ни слова. Однако в душе она люто возненавидела Ши Цяня. Если бы не он, разве оказалась бы она на заднем склоне? Разве случилось бы то, что случилось сегодня? Во всём виноват только Ши Цянь!

Глядя на сломанный стул и едва уловимую, но явную жажду убийства в глазах Чэнь Ци, Ши Цянь был немного удивлён. В оригинале сюжета Чэнь Ци проявлял к Цзэн Ин невероятное терпение, почему же теперь он выглядит так, словно готов её уничтожить? Подумав об этом, Ши Цянь взглянул на Цин Яна, стоявшего рядом с Чэнь Ци, и всё понял. В оригинале эта сцена не происходила: спустя десять дней Цзэн Ин благополучно становилась ученицей Цин Яна, а благодаря давлению Цзин Мина главе секты приходилось проглатывать обиды. Но теперь, когда Цзэн Ин сама преподнесла им повод, как можно не воспользоваться случаем, чтобы приструнить её?

Чэнь Ци действительно жаждал смерти этой девушки, посмевавшейся заглядываться на Цин Яна, но пока не мог этого сделать — ведь за спиной девицы стоял могущественный старейшина.

— Цзэн Ин, будучи кандидатом в ученики секты Тяньлин, ты пренебрегла правилами, сознательно пошла на нарушение, самовольно вторглась в запретную зону, что привело к тяжёлым ранениям твоего соученика... Я лишу тебя...

— Пойдите! — в этот момент из-за дверей послышался голос.

За исключением сияющей от радости Цзэн Ин, лица присутствующих в зале заметно помрачнели.

Вскоре в зал вошёл высокий мужчина лет тридцати с густой бородой.

— Глава, прошу, будьте благоразумны. Моя дочь ещё слишком молода и несмышлёна, кто-то явно подстрекал её отправиться на задний склон.

— О? И что же хочет сказать старейшина Цзин Мин? — Чэнь Ци поправил одежду, помявшуюся от гнева, и ответил с ледяной усмешкой.

— Моей дочери всего тринадцать, она ещё не начала культивацию. Тот, кто подговорил её пойти на задний склон, наверняка затаил на неё злобу. А за последнее время она перешла дорогу лишь одному человеку.

Почувствовав на себе тяжёлый, почти осязаемый взгляд, Ши Цянь невольно подумал, что отец и дочь и впрямь чувствуют друг друга на расстоянии — оба жаждут свалить вину на него. Вот только он, кажется, ничем перед ними не провинился.

Мысли Ши Цяня лихорадочно неслись вперёд. Он знал положение Цзин Мина в оригинальной истории: будучи тестем главного героя, тот обладал всевозможными привилегиями. К тому же, как один из пяти великих старейшин секты Тяньлин, он занимал особое место — иначе как бы у него выросла такая наглая и капризная дочь? Если вступить с ним в открытое противостояние, имея нынешний статус и уровень культивации, Ши Цянь не одержит верх. Приходилось действовать хитростью.

— Значит, старейшина Цзин Мин полагает, что мой ученик подговорил вашу дочь проникнуть в запретную зону? — подал голос Цзин Су. Его тон, который можно было назвать мягким, заставил всех присутствующих забыть, как дышать.

Ши Цянь вздрогнул — он не ожидал, что Цзин Су заговорит. Но он вовремя проглотил готовые сорваться с языка слова и, молча стоя в стороне, изобразил на лице смесь шока и неверия, идеально сыграв роль невинного юноши, ставшего жертвой оговора.

— Моей дочери всего тринадцать, она ещё не знает жизни. Но за эти тринадцать лет она никогда не нарушала правил секты. Если бы не чьё-то подстрекательство, разве стала бы она самовольно лезть на задний склон? — Цзин Мин говорил с непроницаемым лицом. Однако все слушавшие его люди лишь криво усмехались: если бы не твоё покровительство, эту девицу давно бы вышвырнули из секты, а не сидеть ей здесь и не нести околесицу!

Хотя Цзин Мин прямо не назвал имён, стрелка обвинения указывала на Ши Цяня: всем было известно, что за последние два года он был единственным, кого приняли в ученики. Раньше никто правил не нарушал, а стоило Ши Цяню прийти, как всё пошло наперекосяк — если это не его вина, то чья?

Цзэн Ин подыграла отцу, изобразив хрупкую, невинную девушку, и с надеждой посмотрела на Цин Яна, стоявшего рядом с Чэнь Ци. От этого взгляда, похожего на взгляд оленёнка, сердце Чэнь Ци забилось быстрее, а лицо залилось краской — не от смущения, а от ярости. Он так крепко сжал подлокотник, что тот превратился в труху. Проклятая девка!

— О? Не мог бы старейшина Цзин Мин просветить меня, когда именно мой ученик успел пообщаться с госпожой Цзэн? — с улыбкой спросил Цзин Су. Его прекрасные черты лица казались божественными, а мягкий взгляд был прикован к Цзин Мину и Цзэн Ин. Однако исходящее от него давление было таким, что любого другого это заставило бы дрожать от ужаса.

Увидев улыбку Цзин Су, даже те из присутствующих, кто считал себя непоколебимыми, на мгновение замерли. Они молча восхитились тем, что означает титул Верховного старейшины, но тут же ощутили злорадство: кому-то явно не поздоровится. Всем было известно, как Цзин Су оберегает своих, и подвергнуть его ученика сомнению прямо у него на глазах — это ли не самоубийство? Подумав об этом, они незаметно отступили назад, стараясь стать как можно менее заметными. Спектакль Цзин Су — не то, на что хочется смотреть в первом ряду, а если их втянут в этот конфликт, они потом даже плакать не смогут.

Ши Цянь, напротив, чувствовал себя спокойнее всех. Он давно привык к изменчивости Цзин Су, к тому же нынешнее давление — лишь малая часть того, на что он способен. Ши Цянь до сих пор помнил то чувство удушья, когда впервые ощутил исходящую от Цзин Су тёмную, пропитанную жаждой убийства ауру. Вспомнив об этом сейчас, он внезапно почувствовал, что что-то здесь не так: откуда у праведного культиватора такая густая тьма в сердце?

Не найдя ответа, Ши Цянь решил отбросить эти мысли. По крайней мере, сейчас Цзин Су выглядел нормально. К тому же, если даже с его уровнем культивации он не может решить проблему, то Ши Цянь и подавно ничего не добьётся.

— Ин-эр, говори, не бойся, папа здесь, — Цзин Мин бросил свирепый взгляд на Цзин Су, в котором промелькнула лютая ненависть.

— Это было три месяца назад, на пике Тяньлин. Юань Хао может подтвердить, — получив поддержку отца, Цзэн Ин заговорила увереннее. Закончив, она застенчиво взглянула на Цзин Су, и на её щеках вспыхнул румянец.

Очевидно, ни отец, ни дочь не принимали холод Цзин Су всерьёз, или же намеренно его игнорировали.

— О? А я помню, что мой ученик не произнёс ни слова, зато ваша дочь и её свита не переставали провоцировать его. Неужели у меня проблемы с памятью? Племянник глава секты, что скажешь? — Цзин Су не отступал ни на шаг.

Чэнь Ци наконец успокоился и похлопал Цин Яна по руке, лежащей на его плече.

— Слова Верховного старейшины — чистая правда.

— Я... я... — лицо Цзэн Ин побелело. Она не ожидала, что её разоблачат, да ещё и двое людей, обладающих в секте наибольшим авторитетом. Но паника длилась лишь мгновение. — Нет! Это вы меня оговариваете! Вы все...

— Старейшина Цзин Мин, это дело касается репутации нашей секты, так что прошу вас, не стоит лишних слов, — голос Цзин Су прозвучал легко, едва ли не невесомо.

— Верно, старейшина Цзин Мин. Чэнь Бай — прямой ученик нашего Верховного старейшины, как можно позволить кому-то возводить на него наветы? Оставьте это дело главе секты, а нам, посторонним, лучше не вмешиваться, — подал голос суровый старик, до этого молча стоявший слева от Цзин Су. Это был старший старейшина Цзин Янь, всегда строго следовавший правилам. Даже слепому было ясно, что происходит. Хотя все старейшины знали, что Цзин Мин всегда недолюбливал Цзин Су, раньше их стычки можно было проигнорировать, но в этот раз Цзин Мин перегнул палку. Заметив, что тот собирается что-то сказать, Цзин Янь пронзительно добавил: — Что такое? Старейшина Цзин Мин, неужели вы хотите вмешаться в официальные дела секты?

В секте Тяньлин существовало правило: без крайней необходимости пять великих старейшин не должны вмешиваться в управление делами. Слова Цзин Яня подняли инцидент с Цзэн Ин до уровня секты. Если Цзин Мин хотел сохранить свою должность, он обязан был отступить.

— Итак, Цзэн Ин, ты полагаешь, что я и глава секты тебя оговариваем? — аура Цзин Су наконец пришла в норму, в ней даже сквозило удовольствие.

Цзэн Ин рухнула на колени, обливаясь холодным потом. Хотя она ещё не была официально принята в секту, правила она знала. Верховный старейшина — высшее лицо, принимающее решения, и никто, кроме пяти великих старейшин и главы, не смел его оспаривать. Она понимала: если признает это, о статусе ученицы можно забыть. Да и кому она будет нужна после исключения из Тяньлин? Ей конец.

В ужасе она посмотрела на отца, но тот, кто всегда души в ней не чаял, даже не взглянул в её сторону. Закусив бледную губу, она задрожала, словно на ветру.

— Я... я не...

— Но всё, что ты говорила и делала, видели все присутствующие. Это несомненный вызов нашему авторитету, — под ядовитым взглядом Цзин Мина спокойно произнёс Цзин Су.

Ши Цянь отчётливо видел, что в этот момент Цзин Су бросил взгляд в его сторону, но это произошло так быстро, что он не успел разглядеть эмоции на лице мужчины. Впрочем, в судьбе этой «гаремной девицы» он не сомневался.

Действительно, вскоре прозвучали следующие слова Цзин Су:

— Во-первых, не являясь учеником секты, ты, зная правила, самовольно вторглась в запретную зону, что поставило под угрозу жизнь ученика нашего внутреннего двора. Во-вторых, не раскаявшись, ты возвела напраслину на прямого ученика нашей секты. В-третьих, будучи кандидатом, ты поставила под сомнение решения главы и Верховного старейшины. Цзэн Ин, осознаёшь ли ты свою вину? — Я, я... — с каждым новым обвинением, озвученным Цзин Су, лицо Цзэн Ин становилось всё бледнее. Сейчас она уже не могла удержаться на коленях и бессильно осела на пол. В её глазах застыло отчаяние, когда она посмотрела на стоявшего рядом Цзин Мина, но тот даже не удостоил её взглядом.

— Итак, старейшина Цзин Янь, что гласят правила нашей секты относительно этих трёх преступлений? — голос Цзин Су звучал мягко и вкрадчиво, словно весенний ветерок, приносящий тепло.

— Для тех, кто не является учеником нашей секты, за незаконное проникновение в запретные земли и причинение невосполнимого ущерба наказание таково: изгнание за пределы земель секты, объявление в розыск совместно с другими сектами для выдворения, а также полная компенсация всех потерь, нанесённых нашей секте. Клевета на учеников нашей секты карается столетним обетом молчания. Безосновательные сомнения в решениях главы секты и верховных старейшин влекут за собой лишение уровня культивации и изгнание из секты с пожизненным запретом приближаться к её границам ближе, чем на тысячу ли, — бесстрастно процитировал правила секты Цзин Янь.

Ши Цянь нахмурился. Согласно правилам, Цзэн Ин как минимум должны были изгнать из Секты Тяньлин. Но это совсем не входило в его планы — ведь Цзэн Ин была тем самым «волшебным инструментом», который постоянно создавал проблемы главному герою. Если она уйдёт, жизнь героя станет куда менее «разноцветной». Размышляя об этом, Ши Цянь уже хотел было попросить о снисхождении, но поймал взгляд Цзин Су, который призывал его сохранять спокойствие. Сердце тут же успокоилось: он сам не знал почему, но был твёрдо уверен, что Цзин Су понял его намерения.

— Учитывая юный возраст Цзэн Ин и её неразумность, наказание будет смягчено, — услышав эти слова, Цзэн Ин резко подняла голову, и в её глазах вспыхнула надежда. Цзин Су, впрочем, проигнорировал её реакцию и продолжил: — Однако, поскольку деяние носит крайне злостный характер и позорит доброе имя нашей секты, она лишается статуса ученицы Секты Тяньлин. Обет молчания сокращается до десяти лет. А поскольку её отец является старейшиной Секты Тяньлин, ей разрешается проживать на пике Тяньчжу. Племянник-глава секты, что ты об этом думаешь?

— Слова дяди абсолютно верны, — Чэнь Ци понимал, что это действительно наилучший вариант. Он пока не мог открыто выступить против Цзин Мина: если насильно изгнать Цзэн Ин, это могло вызвать непредсказуемую реакцию. Похоже, его планы придётся ускорить. Тем более что Цин Ян уже достиг средней ступени Слияния и вполне способен поддерживать защитный массив секты. — Хорошо, старейшина Цзин Мин, забирай свою дочь и уходи.

По сравнению с наказанием, озвученным ранее Цзин Янем, приговор Цзэн Ин был куда мягче. Но, судя по всему, она осталась недовольна. Девушка открыла рот, пытаясь оправдаться, но с ужасом обнаружила, что не может издать ни звука. Вскоре Цзин Мин, волоча её за собой, покинул зал. Перед уходом оба — и отец, и дочь — бросили на Ши Цяня полные злобы взгляды, словно хотели содрать с него кожу, выскрести кости и сожрать живьём. Ши Цянь не обратил на это внимания, однако Цзин Су заметил всё. — Десять дней спустя в секте пройдет большой отбор, не хочешь сходить посмотреть?

Выйдя из главного зала секты, Ши Цянь следовал за Цзин Су. Неожиданно услышав вопрос своего наставника, он на мгновение опешил, не совсем понимая, что тот имеет в виду.

— В будущем тебе достаточно лишь сосредоточиться на культивации, а со всеми подобными пустяками я разберусь сам.

Цзин Су остановился и протянул руку, чтобы погладить юношу по мягким волосам. В его глазах мелькнуло легкое бессилие.

— Запомни: ты — ученик моего Пика Тяньчэн. Что бы ни случилось, я всегда буду тебя защищать.

Вернувшись на Пик Тяньчэн, Ши Цянь разошелся с Цзин Су, даже забыв попрощаться. Тот, кто всегда гордился своим безупречным образом, никогда прежде не совершал подобных ошибок. Ему нужно было побыть одному, чтобы привести мысли в порядок.

Цзин Су не стал упрекать Ши Цяня за невежливость. Он лишь посмотрел на его слегка сбившийся шаг, и в глубине его глаз на мгновение мелькнула улыбка — все же он еще совсем ребенок.

В последующие десять дней Ши Цянь не видел Цзин Су, а Дуань Юй на вопросы лишь отвечал, что ничего не знает. Это принесло Ши Цяню некоторое облегчение. Цзин Су и раньше вставал за его спиной, принимая роль защитника, но впервые он сделал это так властно, встав прямо перед ним и даже открыто заявив, что на него можно положиться.

Да, именно — положиться.

С учетом этой жизни Ши Цянь прожил уже три, и его суммарный возраст был даже больше, чем у Цзин Су. Однако еще никто и никогда не говорил ему, что он тоже может на кого-то опереться. Это выбило Ши Цяня из колеи, и он даже не знал, как теперь смотреть в глаза Цзин Су.

Ши Цянь стал учеником Цзин Су волей случая, можно даже сказать, почти по принуждению. Он не понимал истинных целей Цзин Су. Поначалу он действительно хотел лишь изучать бессмертные искусства под руководством первого среди культиваторов, но теперь что-то, казалось, вышло из-под контроля. Раньше он постепенно начал воспринимать Цзин Су как глубоко уважаемого наставника, и на этом все ограничивалось. Но теперь он и сам не понимал, как должен определять место этого человека в своей жизни.

Семья? Возможно. У Ши Цяня никогда не было дома, а тем более — семьи. Младшая сестра, которую он подобрал в прошлой жизни, была лишь своего рода отдушиной в долгие годы одинокого существования Повелителя Демонов. Хотя он и питал к ней определенные чувства, когда она предала его, кроме легкого недоумения, он не испытал ничего — ни обиды, ни ненависти. Это явно не соответствовало определению семьи в его понимании. Но с Цзин Су все было иначе. Почему — Ши Цянь пока не мог объяснить, но он просто не мог представить себе, что Цзин Су способен на предательство. Дни на Пике Тяньчэн текли размеренно и безмятежно — по крайней мере, для Ши Цяня. Он перестал забивать голову лишними мыслями, посвящая время ежедневным практикам, играм со Сяо Ланом и уходу за лекарственными травами вместе

с Дуань Юем. Время утекало сквозь пальцы, словно вода.

Неизвестно почему, но Сяо Лан проникся к Дуань Юю особой привязанностью. Время, которое зверёк раньше неизменно проводил, ластясь к Ши Цяню, теперь полностью занимал Дуань Юй. Ши Цянь ничего не говорил по этому поводу, лишь стал внимательнее присматриваться к Дуань Юю. Казалось, после каждого возвращения от него Сяо Лан менялся. Трудно было сказать, что именно не так, но зверёк определённо стал сильнее, а его тело, которое долгое время не росло, начало увеличиваться — теперь он размером походил на двух-трёхмесячного щенка.

На рассвете Ши Цянь медленно завершил циркуляцию истинной ци. Благодаря сражениям в Лесу Следов Демонов и последующим дням спокойных медитаций на Пике Тяньчэн, его уровень культивации плавно поднялся до средней ступени Формирования Ядра. Как только он открыл глаза, раздался стук в дверь.

— Младший брат, учитель просил тебя дождаться его на Пике Минло, — донёсся из-за двери знакомый голос Дуань Юя. Сяо Лан, до этого лежавший в ногах у Ши Цяня, пулей вылетел через приоткрытую щель в окне, и спустя мгновение послышалось его радостное повизгивание.

— Благодарю, старший брат, за напоминание.

Когда Дуань Юй ушёл, Ши Цянь принялся приводить в порядок одежду. Сяо Лан не вернулся — видимо, убежал вслед за Дуань Юем. Уголки губ Ши Цяня слегка приподнялись, а на душе стало тепло. В тот день он не дал прямого ответа на вопрос Цзин Су о том, хочет ли он присутствовать на отборе учеников, но Цзин Су всё понял сам. Натуру Цзин Су всегда было сложно разгадать, но он словно каждый раз безошибочно угадывал, чего именно желает Ши Цянь, и ни разу не ошибся.

Пик Минло скорее напоминал не гору, а целый город. Он располагался на самой окраине Секты Тяньлин, гранича с Ин Сяо — самым могущественным государством в мире смертных. Это место издавна служило торговой площадкой для учеников секты, и раз в три года, во время отбора учеников, его врата открывались для внешнего мира.

Требования Секты Тяньлин к новым adeptам отличались от правил других сект. По внутреннему уставу запрещалось практиковать какие-либо техники до четырнадцати лет, а пройти испытание мог любой человек младше сорока. Те, кто справлялся с проверкой, попадали во внешние покои. Ученики внешних покоев, достигшие стадии Закладывания Основы, могли пройти повторное испытание для перехода во внутренние покои, а у учеников внутренних покоев появлялся шанс стать личными учениками глав пиков. Что и говорить, даже просто попасть во внешние покои Секты Тяньлин было пределом мечтаний для бесчисленного множества искателей бессмертия. Юноша был одет в привычные белые одежды, на поясе у него красовался изящный белый нефрит, а длинные волосы были собраны простой заколкой из того же материала. Его утонченные черты лица излучали мягкое, теплое сияние, казалось, от него самого исходило некое душевное тепло. Однако, несмотря на столь примечательную внешность, в толпе юношу никто не замечал — словно кто-то намеренно скрыл его присутствие

от чужих глаз.

В последние дни на улицах пика Минло, которые и раньше не пустовали, стало не протолкнуться из-за множества незнакомых лиц, а в ресторанах и постоянных дворах яблоку негде было упасть. Ши Цянь небрежно зашел в один из ресторанов, поднялся на второй этаж и сел за последний свободный столик. Глядя в окно, он с интересом наблюдал за прохожими. Среди них преобладали юноши и девушки примерно того же возраста, что и он сам. У большинства из них был высокомерный вид, типичный для избранников небес, словно они боялись, что кто-то не догадается, зачем они сюда пожаловали.

Где много людей, там и раздоры. В этот момент внимание Ши Цяня привлек шум на улице. Обычное уличное домогательство — вещь, не стоившая бы его внимания, если бы не девушка, ставшая объектом приставаний. Она заставила Ши Цяня приподнять бровь.

Прелестная, словно невинная белая лилия, она с испугом смотрела на юношу в роскошных одеждах, который, казалось, еще даже не успел осознать происходящее. Девушка закрыла лицо руками и тихонько заплакала, источая ауру, вызывающую жалость. Прохожие окружили их, тыча пальцами в парня в богатом наряде.

Ши Цянь отчетливо видел, как лицо юноши менялось: сначала покраснело, потом побелело, посинело и, наконец, почернело от ярости. Это было довольно забавно.

— Девушка, мне кажется, я вас даже не коснулся? Вы ничего не перепутали? — Несмотря на гнев, Фан Тин сохранял вежливость; в конце концов, перед ним была девушка.

Белая лилия ничего не ответила, лишь продолжала всхлипывать, закрыв лицо ладонями. Зато зеваки начали оживленно перешептываться, в их словах слышались сплошные обвинения в адрес юноши. Ши Цянь отпил чаю и краем глаза заметил сине-зеленого юношу, пробиравшегося сквозь толпу к месту событий.

Не прошло и десяти дней, а Лань Тянь заметно похудел. Его добротную синюю одежду с отличным кроем сменил простой, местами выстиранный добела халат, а вместо дорогой нефритовой заколки волосы теперь удерживал обычный деревянный шпиль. Глядя на него, невольно приходила мысль, не ограбили ли его по дороге. Хотя высокомерие на его лице немного поутихло, в глазах по-прежнему искрилось прежнее тщеславие.

Услышав, что некую девицу обижают, как мог Лань Тянь — главный герой этой истории — не прийти на помощь, чтобы спасти красавицу? Протиснувшись сквозь толпу, он увидел ту самую знакомую фигуру, с которой разминул несколько дней назад. В одно мгновение он забыл о своем таинственно пропавшем кошельке, о потерянных магических артефактах и, поддавшись порыву героизма, бросился вперед, закрывая собой девушку.